

Селфи как нормализованный аутизм

А. В. Перцев

Уральский федеральный университет,
Российская Федерация, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Для цитирования: А. В. Перцев. Селфи как нормализованный аутизм // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 201–217. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.206>

В статье рассматривается «гносеология повседневности»: поскольку население объективирует сегодня процессы своего познания и их результаты в социальных сетях, автор прилагает к анализу этого материала категориальный аппарат философской гносеологии. Статья написана на материалах доклада, который был сделан на конференции, организованной Гейдельбергским университетом и Санкт-Петербургским государственным университетом по теме «Человеческая экзистенция между болезнью и здоровьем как философская и культурная проблема». Ее участники занимались прояснением философских оснований психологии и психиатрии. В статье рассматривается зарождение традиции таких методологических семинаров сто лет назад в Гейдельбергском университете, когда К. Ясперс и К. Вильманс в клинике университета обсуждали, можно ли применять понятия «норма» и «отклонение» для характеристики психического здоровья общества. Автор статьи исходит из того, что в современном мире после Второй мировой войны доминирует англосаксонский эмпиризм, опирающийся на видеокультуру. Теоретическое мышление не приветствуется, всякие теории с порога отменяются как «теории заговора». Это есть продолжение теории познания Ф. Бэкона, который боролся с теориями как «призраками театра». Однако в рамках эмпиризма существуют два противоборствующих течения. Одно представляет собой стремление навязать населению видеоряд и способы упорядочения восприятия этого ряда в привычные предметы — при элиминации всего субъективного. Другое течение — протест и самоутверждение, оно выражается в изображении себя как центра мира (снимка селфи).

Ключевые слова: гносеология, повседневность, эмпиризм, философия фотографии, общество потребления, социальные сети, интроверт, экстраверт, селфи.

Область, к которой относится эта статья, — «гносеология повседневности», а выбор ее темы, столь необычной для философа, определился после приглашения к участию в международной конференции по теме «Человеческая экзистенция между болезнью и здоровьем как философская и культурная проблема», которую организовали в Санкт-Петербурге 5–7 апреля 2017 г. СПбГУ и Гейдельбергский университет. В конференции принимали участие медики, психологи, культурологи, философы, педагоги. Разговор был общим и понятным им всем, но при этом именно философским: он касался философских оснований медицины, психологии и культурологии.

Для ученых Гейдельбергского университета такие «прояснения философских оснований» с участием медиков и психологов представляют собой продолжение давней, более чем вековой традиции. Во многом эта традиция связана с именем

Карла Ясперса (1883–1969). Это — классик в сфере психопатологии и сфере философии, один из создателей экзистенциализма XX в. При этом философы всегда считали его врачом-психиатром, а врачи — философом.

Такое положение между философией и медициной, по объяснениям самого К. Ясперса, определялось тем, что он с молодых лет интересовался философией, отдавая предпочтение Б. Спинозе, но тяжелая болезнь (бронхоэктазы и сердечная недостаточность) требовала умения постоянно лечить себя. В итоге это обернулось выбором психиатрии — медицины, обращенной не к телу, а к «душе». Невозможность работать из-за нездоровья «на полную ставку» заставила К. Ясперса выступать в роли ассистента-волонтера. У него не было постоянных больных, что позволяло ему наблюдать работу коллег-врачей несколько со стороны, участвуя при этом в их научных конференциях, врачебных обходах и т. п. Результатом оказался методологический анализ, выразившийся в работе «Общая психопатология».

В «Философской автобиографии» К. Ясперс так писал об этом: «Формальные, внешние черты моей последующей жизни можно описать кратко. После окончания гуманитарной гимназии я на протяжении трех семестров изучал право, затем — медицину. В 1908 г. сдал государственный экзамен по медицине, в 1909 г. стал доктором медицины. После этого я поступил научным ассистентом-добровольцем в психиатрическую клинику Гейдельберга. В 1913 г. выдержал конкурс на замещение вакантной должности и стал приват-доцентом по психологии на философском факультете университета г. Гейдельберга. В 1921 г. там же стал ординарным профессором философии, отклонив аналогичные приглашения в Грайфсвальд и в Киль. В 1928 г. был приглашен профессором в Бонн, но тоже отказался. В 1937 г. государство национал-социалистов лишило меня права преподавать. Кафедру мне вернули в 1945 г., с согласия и одобрения американских оккупационных властей. В 1948 г. я принял приглашение в университет г. Базеля, где преподаю по сегодняшний день» [1, с. 209].

«Общая психопатология» была издана на основе докторской диссертации, которую К. Ясперс защитил в 1913 г. Его готов был пригласить доцентом под свое руководство великий психиатр Э. Крепелин, руководивший клиникой Мюнхенского университета с 1903 по 1922 г. Но К. Ясперс не хотел покидать Гейдельберг, а квота доцентом-медиком в университете была исчерпана. В результате врач-психиатр и психолог отправился приват-доцентом на философский факультет, где Г. Риккерт упорно не желал признавать его философом ни в малейшей степени. К. Ясперс, в свою очередь, читал лекции о психологии всего чего угодно, окидывая взором психиатра и психолога весь мир. Все это создавало предпосылки для сопоставления различных отраслей гуманитарного знания.

В той же «Философской автобиографии» К. Ясперс так описывает свою доцентскую деятельность на философском факультете Гейдельбергского университета и рождение своего экзистенциализма: «Когда осенью 1913 г. я стал доцентом, мне поручили читать лекции по психологии. Летом 1914 г. я начал с темы “Психология характеров и одаренности”. Затем последовали лекции об эмпирической психологии: психологии ощущений, психологии памяти, исследования процесса утомления. Потом я прочитал патографические лекции о многих исторических личностях, которые были больны психически. Но решающим для выбора того пути, по которому в дальнейшем двинулась моя мысль, стал тезис Аристотеля: “Душа — это

как бы всё». Опираясь на него, я с чистой совестью принялся заниматься всем чем угодно, называя эти занятия психологией. Ведь нет ничего такого, что не имело бы своей психологической стороны, если трактовать это в столь широком смысле. Я никоим образом не принимал господствовавшего тогда в Гейдельбергском кружке (Виндельбанд и Риккерт) ограничения пределов психологии. То, чем я начал заниматься в психопатологии, называя это «понимающей психологией», теперь наложилось на всю традицию гуманитарно-научного и философского понимания. Таким образом я окидывал взором и ширь мира, и глубину того, что доступно пониманию в человеке. Я читал лекции о понимающей психологии, в первую очередь — о социальной психологии морали. Среди этих курсов лекций один для меня стал важнейшим. Я опубликовал его под названием «Психология мировоззрений» в 1919 г., после окончания войны. Эта книга предопределила мой путь в философии, хотя сам я этого еще не осознавал» [1, с. 231].

Впрочем, по его собственному признанию, философом по основной жизненной ориентации К. Ясперс стал сразу и навсегда, хотя и не собирался делать философию профессией: «Что же касается внутренней истории моей жизни, то надо сказать хотя бы кратко о происходившем в юности. В 17 лет я читал Спинозу. Это был мой философ. Но я не собирался избирать философию в качестве предмета изучения в университете и делать ее в будущем своей профессией. Значительно большее предпочтение я отдавал юриспруденции и штудировал право, намереваясь позднее заняться адвокатской практикой. Однако, разочаровавшись в абстракциях от жизни общества, которая еще совсем была мне незнакома, я занялся поэзией, искусством, театром, графологией, все время разбрасываясь — к несчастью, но обретая, к счастью, разрозненные знания о величии человеческого, в первую очередь — в искусстве. Я не был доволен ни собой, ни состоянием общества, ни фикцией общественного мнения. Основное ощущение было таково: что-то неладно и в мире людей, и во мне самом. И все-таки: насколько великолепен был другой мир — природа, искусство, поэзия, наука! Все-таки оставалось, всему предшествуя и все предваряя, основополагающее чувство доверия к жизни, внушенное любимыми родителями и сбереженное под их покровительством. Выбор жизненного пути я считал делом глубоко личным» [1, с. 79].

Нет ничего удивительного, что на врачебных научных собраниях в университетской клинике ассистент-волонтер Карл Ясперс стал призывать своих коллег-врачей к выходу за пределы своей профессиональной сферы.

«С 1908 по 1915 г. я работал в психиатрической клинике университета г. Гейдельберга, вначале — сразу после государственного экзамена по медицине — практикантом, а затем, после полугодового перерыва, который был вызван продолжением образования в неврологическом отделении Внутренней клиники — научным ассистентом-волонтером. Это были единственные годы в моей жизни, которые прошли в сообществе исследователей, ежедневно решавших практические задачи. Реалии, с которыми приходилось при этом сталкиваться, относились не только к области медицины, но и к сферам социологии, права, педагогики и психологии — в их приложении к врачеванию [1, с. 216]. «Часто об одном и том же говорилось совершенно различными словами, преимущественно — неопределенными. Каждая из школ имела свою собственную терминологию. Казалось, что разговор идет на совершенно разных языках, местные же диалекты этих языков существовали

в каждой клинике. Создавалось впечатление, что единой, объединяющей всех исследователей научной психиатрии не существует. Когда я присутствовал на регулярных представлениях больных и дискуссиях в кругу врачей, мне порой казалось, что им постоянно приходится начинать с нуля. Каждый конкретный случай подводился под несколько жалких обобщающих понятий. А потом все опять напрочь забывали сказанное ранее. Всякий раз, как я испытывал удовлетворение от того, что удалось изучить какой-то феномен, оно соединялось с ощущением, что вперед продвинуться не удалось. Возникало чувство, будто я живу в мире, где существует необозримое множество разнообразных точек зрения, которые можно брать и в любой комбинации, и по отдельности, но все они до невероятия просты и бесхитростны. “Психиатры должны научиться мыслить”, — заявил я как-то в кругу своих коллег-врачей. “Надо будет поколотить этого Ясперса”, — дружески улыбаясь, сказал в ответ Ранке» [1, с. 116].

К. Ясперс, который призывал психиатров учиться у филологов, чтобы затем научить своих больных феноменологически точно описывать свои внутренние состояния, так и остался «непоколебленным» в Гейдельберге. Наоборот, традиции К. Ясперса и его учителей-медиков — прежде всего Карла Вильманса, главного врача университетской клиники и научного руководителя К. Ясперса, — по сей день сохранились в Гейдельбергском университете и нашли свое продолжение в Санкт-Петербургском университете в виде междисциплинарных, но при этом все же философских конференций вроде той, которая была описана выше.

В докладе, подготовленном для нее, автор исходил из того, что философию при всем желании невозможно удалить из сферы повседневности, хотя сегодня такие попытки и предпринимаются. Тот, кто сегодня пытается обойтись без философии, просто не осознает, что он находится во власти только одной из разновидностей философии, а именно эмпиризме позитивистского толка. Это направление имеет многовековую историю, в которой были как достижения, так и провалы.

В сегодняшнем мире, где распространен Интернет, создавший социальные сети, а также появилась возможность непрерывно фотографировать окружающий мир с помощью встроенной в смартфон камеры, возникают абсолютно новые возможности анализа общественного сознания. Речь идет не только об изучении общественного мнения, но и о том, что философия обычно именовала «гносеологией». До появления всех этих «плодов» научно-технического прогресса лишь узкий круг философов и психологов, а также психиатров изучал то, как человек познает мир, представляет его себе и видит его. При этом предметом исследования крайне редко становилась познавательная деятельность «нормальных» людей, ведущих обыденный образ жизни. Изучалась либо умственная деятельность интеллектуалов, т. е. отклонение от «нормы» «вверх», либо болезненная деградация или отклонение от «нормы» «вниз». Сегодня повсеместное распространение фотокамер позволяет каждому фотографировать мир таким, каким он его видит. Это заставляет делать мода, и та же самая мода заставляет публиковать снимки в социальных сетях. Эти изображения перестают быть чем-то частным и доступны для всеобщего обозрения. Иногда они сопровождаются письменными комментариями.

Весь этот принципиально новый материал позволяет воочию представить себе способы зрительного мировосприятия, бытующего на повседневном уровне. Теперь, с одной стороны, изучение повседневного мировосприятия уже не требует

каких-то домыслов и реконструкций со стороны ученого. Оно само открывается ему, порой даже слишком назойливо. С другой стороны, все это возвращает ученого к размышлениям о «норме» и «отклонениях» повседневной психической жизни.

Впервые этот вопрос был поставлен в беседе К. Ясперса и К. Вильманса (последний выступал в роли научного руководителя молодого психиатра и будущего основателя экзистенциализма).

В 1911 г. К. Вильямс, который часто выступал экспертом в судах, определяя психическую вменяемость подсудимых, а потому хорошо знал мир повседневности, предложил К. Ясперсу, которому было 28 лет, написать «Общую психопатологию». Это была, по сути, философия психиатрии. Когда психиатрия пытается понять, что она представляет собой не как узкоспециализированная сфера деятельности, а как часть культуры общества, возникает философия психиатрии. Именно в разговорах между К. Ясперсом и К. Вильмансом такая философия психиатрии и родилась. И еще под влиянием К. Вильманса К. Ясперс написал великолепную работу о ностальгии у юных девочек, нянчивших вдали от дома маленьких детей у родственников — и убивавших их, чтобы вернуться к родителям [1, с. 127].

Разговаривая о норме и патологии — как в повседневной жизни, так и в представлениях философии и медицинской науки, К. Ясперс и К. Вильманс приходили порой к весьма нетривиальным выводам: «В одной из бесед К. Вильманс следующим образом выразил парадоксальную природу понятия “болезнь”: “Так называемая нормальность — не что иное, как легкая форма слабоумия”. Логически это означает следующее: объявив нормой умственную одаренность, мы должны будем признать, что большинство людей слегка слабоумно. Но мера здоровья — это нечто статистически среднее, то есть свойственное большинству; соответственно, легкая степень слабоумия — это и есть здоровье. Тем не менее, говоря о легкой степени слабоумия, мы всякий раз подразумеваем нечто болезненное. Следовательно, нечто болезненное есть норма. Таким образом, “здоровое” — синоним “больного”. Такой логический ход мысли завершается очевидным распадом обоих понятий, независимо от того, основываем ли мы их на оценочных или среднестатистических суждениях» [2, с. 936].

Выдающийся врач и мыслитель К. Вильманс просто не мог признать нормой *немышление*. Для него было самоочевидно, что норма — это мышление ясное, научное, такое, которое сегодня называется «экспертным» и признается, скорее, исключением, чем правилом. Но если нормой признается умственная одаренность или близость к ней, то большинство в обществе — все, кто не является ученым, — оказываются *нормализованными слабоумными*. Ни тот ни другой вывод не показался ему приемлемым. Следовательно, при описании мышления и образа жизни современных людей следует отказаться от понятий «норма» и «отклонение», «психическое здоровье» и «психическое нездоровье».

Проблема так и осталась неразрешенной. Современная медицина видит из нее выход в том, чтобы избегать общего разговора о здоровье или нездоровье (болезни), а вместо этого говорить об отдельных конкретных *заболеваниях*. При этом наличие у человека заболеваний, распространенных в данное время в данном обществе и не препятствующих трудовой деятельности, позволяет ставить ему диагноз — «практически здоров». С ними можно жить и работать, а лечить — при наличии возможности. Таким образом, становится верным утверждение: «Количество боль-

ных в обществе определяется количеством коек в больницах». В теоретическом плане эта констатация представляет собой признание краха. Но первым шагом на пути к этому теоретическому краху был отказ от философии, которая учила обсуждать и решать общетеоретические вопросы. Не стоит, конечно, принимать в современную науку в готовом виде те ответы, которые предлагали философы прошлых веков. Однако обращение к их методологии и приложение ее к современным реалиям могло бы поспособствовать новому видению научных проблем.

За век, который прошел со времени описанного разговора, ситуация с прояснением отличий «нормы» от «отклонений», психического здоровья от психического нездоровья ничуть не упростилась. Как раз наоборот: раньше так называемый «малый мир» повседневности не предъявлял себя ученым так агрессивно — в виде массовой культуры. Ученые предпочитали заниматься «большим миром» — в том понимании, который вкладывают в это понятие И. Ильф и Е. Петров, уточнившие, в сущности, понятие «жизненный мир», предложенное В. Дильтеем.

В IX главе «Золотого тельца» они пишут: «Чем только не занимаются люди! Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны “Мертвые души”, построена Днепровская гидроэлектростанция и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь “уйди-уйди”, написана песенка “Кирпичики” и построены брюки фасона “полпред”. В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. У его обитателей стремление одно — как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода.

Маленькие люди торопятся за большими. Они понимают, что должны быть созвучны эпохе и только тогда их товарец может найти сбыт. В советское время, когда в большом мире созданы идеологические твердыни, в маленьком мире замечается оживление. Под все мелкие изобретения муравьиного мира подводится гранитная база “коммунистической” идеологии. На пузыре “уйди-уйди” изображается Чемберлен, очень похожий на того, каким его рисуют в “Известиях”. В популярной песенке умный слесарь, чтобы добиться любви комсомолки, в три рефрена выполняет и даже перевыполняет промфинплан. И пока в большом мире идет яростная дискуссия об оформлении нового быта, в маленьком мире уже все готово: есть галстук “Мечта ударника”, толстовка-гладковка, гипсовая статуэтка “Купающаяся колхозница” и дамские пробковые подмышники “Любовь пчел трудовых”.

В области ребусов, шарад, шарадоидов, логогрифов и загадочных картинок пошли новые веяния. Работа по старинке вышла из моды. Секретари газетных и журнальных отделов “В часы досуга” или “Шевели мозговой извилиной” решительно перестали брать товар без идеологии» [3, с. 103–104].

Сегодня общество потребления соединяет «малый мир» каждого своего члена с «большим миром» великого либерализма, глобализации и цифрового мышления. Относится ли «Золотой теленок» к малому миру или это произведение криптофилософское? Что имел в виду Остап Бендер, говоря, что ему «Заратустра не позволяет» вульгарно расправиться с компаньоном — бывшим предводителем дворянства (!) за пошло проданный стул? Читали ли авторы «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» произведения Ф. Ницше?

Как бы то ни было, а «большой», «возвышенный» мир, к которому всегда относится философия, всегда присутствует в мире «малом», «повседневном». В сегодняшних позитивистских и прагматистских попытках освободить жизнь от «идеологий» и «теорий заговора», под которыми подразумеваются практически любые теории, никакого освобождения от философии не происходит (даже если повсеместно отменить ее преподавание или заменить позитивистски-прагматистскими нехитрыми умствованиями). В основе всех без исключения действий в «малом» мире лежит влияние какой-либо философии. Тот, кто сознает, какая философия на него влияет и в чем это влияние состоит, оказывается менее зависимым от философии, чем тот, кто не осознает своей философской зависимости — от того же позитивизма и прагматизма. От неосознанной зависимости просто невозможно освободиться — это скажет любой психолог. А еще лучше — не просто определить свою зависимость от какой-то философии, но и изучить эту философию во всем ее богатстве, чтобы не изобретать велосипеда в мировоззренческой сфере.

Гносеология как учение о человеческом познании вовсе не удалена от повседневности куда-то в «башню из слоновой кости», где она занята исключительно наблюдением за деятельностью познающих ученых. Если исходить исключительно из этого, философы вместе с серьезными учеными во времена массовой культуры навсегда окажутся на периферии, в резервациях университетских кампусов. При этом миром будут править «нормальные» люди, которых вовсе не считают таковыми ученые-психиатры (впрочем, и эти люди тоже не считают «нормальными» врачей и прочих «экспертов»).

Учитывая эту ситуацию, надо признать правоту К. Вильманса: однозначное деление всех психических феноменов на нормальные и аномальные утрачивает свое значение или, по крайней мере, приобретает историчный, даже ситуативный характер. Однако это несовместимо с серьезным теоретизированием и, следовательно, — с наукой. Но здесь на помощь психологии и психиатрии вполне может прийти история философии, которая никогда не говорила однозначно о «норме» как об «уме» и об «отклонении» как о «глупости». Вместо этого она выделяла различные течения, представители которых вели между собой борьбу на протяжении многих веков. Аналог этих направлений в философии, между прочим, нетрудно найти и в теологии.

Именно сопоставление различных средневековых теологов позволило К. Г. Юнгу выделить экстравертов и интровертов. В философии же этим психологическим типам соответствуют эмпирики и рационалисты.

Ни тот ни другой тип не может быть принят за «норму», хотя представители этих типов не понимают друг друга (хотя в реальной жизни часто дополняют друг друга).

Интроверт выстраивает «внутри себя» богатый внутренний мир, в котором живет с куда большим удовольствием, чем в мире «внешнем». Экстраверты обвиняют его в эгоизме, в стремлении устраниваться от общественных дел, заявляя, что он «думает только о себе». Фридрих Ницше, бывший ярко выраженным интровертом, попытался отвергнуть эти обвинения, а заодно объяснить и обосновать тот взгляд на мир, который ныне именуется «тоталитарным», — то видение мира, в котором одно-единственное «Я» определяет абсолютно все, все располагает в своем порядке и приписывает всему именно те черты, которые желает видеть:

«Наше отношение к самим себе! Эгоизм вовсе *ничего* не говорит. Мы направляем на себя все хорошие и дурные страсти, мышление о себе, чувство в пользу себя и против себя, борьбу в себе; мы никогда не смотрим на себя как на индивидуум, но как на двойственность или множественность. Все социальные явления (дружбу, месть, зависть) мы применяем к себе. Наивный эгоизм животного совершенно видоизменяется вследствие наших *социальных привычек*, мы уже не можем чувствовать единичность его, *мы чувствуем только множественность*. Мы разбились на части и дробимся все больше и больше. *Социальные страсти (дружба, ненависть, зависть)*, обусловленные множественностью, преобразили нас: мы перенесли “общество” в себя, и “уходить в себя” — не значит бежать от общества, часто это значит мучительно мечтать и толковать совершающиеся с нами факты по схеме более ранних переживаний. Не только Бога, но все существа, известные нам, мы принимаем в себя: мы космос, насколько мы его *поняли* или *вообразили, что поняли*. Оливковое дерево и буря, кошелек и газета сделались частью нас самих» [4, с. 257].

Менталитет интроверта — это вовсе не менталитет эгоиста, который обособляет себя от общества. Наоборот, он устроен так, что вбирает все общество в себя — и постоянно носит его в себе. Он перевоплощается внутри себя во всех членов общества по очереди, сопереживает каждому из них, герменевтически постигает каждого, вникая в его мысли и чувства. Он волей-неволей выступает в роли режиссера этого внутреннего спектакля, он сам подбирает для него актерский состав, реквизит, сам пишет пьесу, не сознавая того и думая, что она уже написана кем-то.

Г. В. Ф. Гегель был выдающимся интровертом: он носил в своем уме весь мир — и все мироздание, и всю человеческую историю, и все прочее, что охватывала его система. Выдающимся — но не идеальным. Потому что идеальный, законченный интроверт довольствовался бы только своим внутренним миром, никому не повествуя о нем — не читая лекций, не издавая книг. Существование фактов, которые могли не вписаться в его систему, волновало Гегеля — он полагал, что его система не нуждается в подтверждении фактами, потому что она доказывает свою истинность своей внутренней согласованностью.

Интроверт, который повествует окружающим о своем «внутреннем мире», оказывается непоследовательным — потому что он допускает существование иных самостоятельных умов за пределами собственного, который в силу своей самостоятельности может не вписываться в его «внутренний мир». Одним из таких умов, как известно, для Гегеля был Демокрит.

Если следовать этой логике, то идеальным, законченным интровертом выступает сегодня человек, страдающий аутизмом, когда он игнорирует окружающих, не вступая в контакт с ними и не ища взаимопонимания. Но не есть ли философское обоснование и оправдание аутизма исихазм? Мистика Майстера Экхарта? Учение Мартина Хайдеггера о постижении бытия? Едва ли кто-то — за исключением англосаксонских эмпириков и их континентальных подражателей, которые больше роялисты, чем сам король, — отважится объявлять этих людей глупцами, «отклонениями от нормы».

Представители противоположного направления в философии — эмпирики — обосновывают в своих работах именно то видение мира, которое у К. Г. Юнга называется экстравертным. В сущности, все его основные черты представлены уже

в учении Ф. Бэкона. В «Новом Органоне» этот мыслитель требует отказаться от теорий — потому что они есть «призраки театра», мешающие научному познанию. Каждый теоретик пишет, более или менее сообразуясь с известными ему фактами, целую пьесу, которая увязывает их все воедино — при помощи какого-то «смысла мира», который теоретик определяет в меру собственного разума, по аналогии со своей жизнью. Это и есть «антропоморфизм», т. е. проекция представлений о самом себе и своем внутреннем мире на «природу», «окружающую среду». (На самом деле ничего подобного не существует — все это выдумки теоретиков; есть только отдельные факты, которые надо описать, не прибегая к антропоморфным фантазиям, — математически и статистически.) Сегодня любые попытки теоретизировать отвергаются агрессивным эмпирическим журналистским сообществом с порога — как «теории заговора» (к которым, по сути, относятся любые теории).

Эмпирик признает только факты, данные в наблюдении. Причем любой другой при желании может наблюдать то же самое, если достаточно строго, т. е. без теоретических фантазий, описать его (это называется у позитивистов со времен Венского кружка процедурой верификации, а на современном либеральном сленге — «прозрачностью»). Эмпиризм и либерализм — две стороны одной и той же медали. Либерализм — это право человека наблюдать все самостоятельно и делать выводы, имея право свободно оглашать их («свобода слова»). При этом само собой разумеется, что опыт всех людей равноценен. Это теории могут быть неравноценными — разной степени общности, разной степени разработанности, различного качества. А видение фактов в принципе равноценно. Опыт дворника равен опыту плотника, и опыт профессора — его умение видеть факты — ничуть не превосходит их опыт. Два любых человека могут «обменяться опытом», поскольку их опыт равноценен. Поэтому люди в принципе равны — в гносеологическом плане один ничуть не превосходит другого. Любые два человека «повидали виды», т. е. наблюдали некоторые факты. Нельзя считать старца превосходящим юношу на том основании, что он видел больше фактов и, значит, имеет более богатый опыт. Такое было в традиционном обществе, где жизнь вечно повторялась, поскольку сельскохозяйственный образ жизни зависел от ежегодной смены времен года и технологии не менялись на протяжении многих веков. Сегодня, во времена ускорения научно-технического прогресса, опыт старших поколений стремительно устаревает, потому что факты окрестной жизни быстро меняются. Молодежь быстрее схватывает и усваивает их — а значит, превосходит менее зорких и менее бойких стариков, отягощенных к тому же бременем никчемных теоретических представлений — этими «призраками театра».

Эмпиризм — это гносеологическое обоснование тотального равенства (при условии постоянного переучивания среднего и старшего поколений, а того лучше — при условии замены всех людей машинами, лишенными порочного «человеческого фактора»). В сущности, весь «Новый Органон» Ф. Бэкона и был первым повествованием о досадной непригодности человека к научному познанию и освоению технологий.

Автор «Материализма и эмпириокритицизма» полагал, что материя есть объективная реальность, которая «фотографируется» человеком (имелась в виду, конечно, не фотокамера как таковая, а подобное ей «отражающее» сознание человека, в котором сохраняются в виде «фотоснимков» сфотографированные факты).

Но насколько уместно сегодня это сравнение познания с фотографированием фактов? Одинаково ли фотографируют люди — особенно сегодня, когда фотографирование происходит не только в фотоателье, где делаются снимки на документы, отражающие человека «таким, каков он есть на самом деле», а везде и всеми — при помощи постоянно носимых с собой гаджетов?

Неотделимое сегодня от повседневности непрерывное фотографирование вполне допускает не только психологическое и психиатрическое описание, но и интерпретацию в философских, гносеологических понятиях. (И одно должно способствовать другому.)

Так называемая документальная фотография — как процесс и как результат — вполне соответствовала эмпиристскому, в сущности диалектико-материалистическому, мировоззрению и его продолжению — «социалистическому реализму», определяемому как отражение действительности в формах самой действительности. Фотограф максимально устранился из этого процесса как субъект, способный исказить объективную картину, отразить ее «в кривом зеркале». Никакие светофильтры, никакие широкоугольные объективы, доходящие до «рыбьего глаза», закругляющего мир и замыкающего горизонт, не поощрялись, как и «постановочные», срежиссированные снимки. Должны быть запечатлены только реально происходящие процессы. Крупный план также не поощрялся — он свидетельствовал о неравном внимании к разным людям, о предпочтении, которое отдается кому-то перед другими. (С первобытных времен, а также с детства, которое во многом повторяет первобытность, изображение кого-то на рисунке большим есть выражение его главенства и могущества.) Крупным планом снимались только фотографии на доску почета, над которой помещалась «нищешанская» надпись — «Лучшие люди». Это были герои труда и прочие выдающиеся деятели, вполне заслуживающие крупного изображения на снимке. Остальные же — в соответствии с эмпиристским представлением о равенстве — фотографировались «документально» только в составе коллектива, хотя начальство и помещалось в центре, в первом ряду. Это говорило о его демократичности при сохранении руководящего положения, о признании «первым среди равных».

Так называемая художественная фотография началась с приукрашивания реальности, а затем стала допускать все более и более активную роль фотохудожника — как субъекта, отражавшего мир. Первые фотоаппараты — в силу технологий того времени, а не в силу сознательно применяемых философских принципов — предполагали, что фотограф во время съемки накрывался черным покрывалом, т. е. не был виден тому, кого он фотографировал. Из-за низкой светочувствительности материалов приходилось к тому же делать очень большую выдержку. Если фотографируемый шевелился, изображение получалось размазанным, нерезким. (Самые первые фотоаппараты даже фиксировали голову фотографируемого с помощью специальных тисков с винтовыми зажимами на стойке, чтобы он не шевелился во время вынужденно длительного экспонирования.) В силу всего этого первые фотоаппараты действительно не могли — или почти не могли — оказывать субъективного воздействия на процесс съемки. Они могли только как-то расположить фотографируемого по своему вкусу и окружить его каким-то интерьером.

Совершенствование фототехники привело к тому, что фотограф перестал скрываться под покрывалом. Он стал видим снимаемому. Тот реагировал не только

на его слова, но и на жесты, мимику, на весь его внешний вид. В результате стало ясно, что теперь снимает не фотоаппарат, а фотограф — одни и те же люди даже в одном и том же интерьере и в одинаковой позе выходили у разных фотографов по-разному. Совершенствование камер, возможность уменьшать выдержку до малых долей секунды позволило не только не фиксировать снимаемого в какой-то неизменной позе, но и ловить отдельные моменты в динамике движения его лица, а если требуется — и тела. Теперь все зависело исключительно от того, в какой миг фотограф нажмет на спуск. А он нажимал на спуск именно тогда, когда вид снимаемого человека соответствовал представлению фотографа о нем. У фотографов-мизантропов все выходило на снимках далеко не прекрасными — их фотоснимки были, казалось, выполнены в жанре критического реализма. У философов-филантропов, наоборот, снимки представляли собой «лакировку действительности», выдавая его симпатию к снимаемым людям. К тому же эти последние выражали на своем лице ответную симпатию к фотографу, а потому «хорошо получались» у него на снимках.

И все же фотограф всегда снимал других, не имея возможности снять себя. Автоспуск в советские времена использовался редко. Фотограф, который им пользовался, вел себя неподобающе — включив его и оставив фотоаппарат на штативе, он бегом направлялся к группе снимаемых и присоединялся к ней, утрачивая при этом возможность видеть снимаемое и контролировать композицию. Зрелище этих несолидных перемещений приводило остальных снимаемых в неадекватно-веселое расположение духа, что опять-таки вредило документализму снимка. Но он не становился от этого и художественным, потому что фотохудожник сам становился изображаемым и переставал контролировать процесс творчества.

Подлинной революцией в процессе «фотографического» эмпиристского познания стало предельно облегченное современным научно-техническим прогрессом самофотографирование (в просторечии — селфи).

С философской, «гносеологической» точки зрения селфи есть агрессивное утверждение крайнего субъективного идеализма, в котором воспринимающее «Я» полагает себя центром мира и предлагает всему в нем организовать себя вокруг себя. (Если такой крайне субъективный идеализм довести до предела, он будет равносителен аутизму — полному замыканию в себе вместе с сотворенным самим собой миром. Но при всеобщем распространении селфи в сетях этот «аутизм», выкладываемый на всеобщее обозрение, приходится признать нормализованным.)

Постоянная демонстрация своего селфи-доминирования в мире и требование одобрения его посредством «лайков» есть не только бессловесное выражение своей «воли к власти». Это прежде всего ответ на тотальное эмпиристское усреднение и уравнивание Интернетом как Большим Братом. Это — восстание против чужого видеоряда — невесть кем «сфотографированного» мира, выдаваемого за объективную материю-как-она-есть. Это — сопротивление толкованию навязанного мира посредством некоего безликого субъекта, который М.Хайдеггер именует «Das Man» и который персонифицирован агрессивными телеведущими, которые «больше, чем ведущие». Это также и неприятие вкрадчивых подсказок интернет-агрегаторов, указывающих на тренд, в котором надо быть. Этого сегодня достаточно, чтобы интернет-пользователь считал себя уважаемым человеком, критично мыслящим, но в допустимых пределах, потому что творчество и самостоятельное

мышление в обществе со сложным разделением труда остается невостребованным и даже считается вредоносным «человеческим фактором».

Вплоть до самых недавних пор — приблизительно до конца Второй мировой войны — в западном мире удавалось поддерживать убеждение в том, что интеллектуальная деятельность приносит больший успех в жизни, чем деятельность неинтеллектуальная («Люди, работающие сидя, зарабатывают больше, чем люди, работающие стоя»). «Просветители» доказывали, что любой человек должен быть образован, потому что образование — это *придание образа*, а тот, кому не придан образ, — просто безобразен. Из этого безобразного сырья только предстоит вылепить нечто нормальное — в соответствии с «образовательными стандартами» и следуя «образовательным технологиям». Так и будет сформирована «норма». Если человека не удалось нормализовать, с ним должен работать психолог. Если психолог не достигнет нормализации, за дело следует приниматься психотерапевту; если и тот потерпит фиаско, наступает черед психиатра.

Это традиционный для эпохи Просвещения взгляд на человека. Ныне, как представляется, он на глазах претерпевает существенные изменения.

В эпоху развитого разделения труда от абсолютного большинства членов общества требуются вовсе не творческое мышление и не самостоятельная предпринимательская активность, а исполнение рутинных частичных операций. Нынешнему обществу не нужен титан мысли, который бы в черепа сотней губерний ворочал, людей носил до миллиардов полутора и взвешивал мир в течение ночи, чтобы утром революционно перевернуть его. Само наличие таких людей, по убеждению современных демократов, предрасполагает к тоталитаризму.

Наиболее эффективно рационализм удалось ограничить создателю прагматизма Чарльзу Сандерсу Пирсу (1839–1914), идеи которого до сих пор определяют требования к «инновационному эффективному преподаванию», превыше всего ставящему «навыки» и «умения».

Ч. С. Пирс хочет, чтобы человек не мыслил лишнего, поскольку жизнь в эпоху разделения труда требует от него однообразных операций. Тезис Р. Декарта «Мысль, следовательно существую» есть, согласно Ч. С. Пирсу, выражение аномалии, извращения и отклонения от нормы. Так он выразил вековечное презрение американцев к высоким интеллектуалам как «ненормальным яйцеголовым». Его философия — прагматизм — была единственной, рожденной в Америке и признанной на уровне президента официальной американской философией. (В 1877 г. он был избран членом Американской академии наук и искусств.)

Кроме того, в прагматизме отразилось традиционное презрение «физиков» к «метафизикам» — ведь Ч. С. Пирс закончил физический факультет Гарварда и даже потрудился в области геодезии. Именно он, ратовавший за практику в противовес излишнему теоретизированию, провел первые психологические опыты в США. Еще студентом старших курсов он изготовил простой компьютер — и, конечно, задался вопросом, может ли «мыслящая машина» превзойти человека.

Чарльз Пирс умер в 1914 г., т. е. он был еще жив, когда происходил разговор Карла Ясперса и Карла Вильманса о нормальности как «легкой форме слабоумия». Но именно Пирс решил выразить это «легкое слабоумие» в философской форме прагматизма — *философии немыслящего практичного человека*. Именно он объявил «немышление» нормой.

В пику Р. Декарту, который полагал, что мышление — главный смысл существования человека и вершина его жизненных достижений, Ч. С. Пирс доказывал, что здоровый и успешный человек, без проблем зарабатывающий на жизнь, не только не мыслит постоянно, но и вообще прибегает к мышлению в самых крайних случаях — только в моменты кризиса и жизненной неудачи. (Нечто подобное — правда, в шутку — утверждал и блистательный британский эмпирик Бернард Шоу: «Мало кто мыслит больше, чем два или два раза в год; я стал всемирно известен благодаря тому, что мыслю раз или два раза в неделю».)

Мышление, согласно Ч. С. Пирсу, используется только в тех редких случаях, когда привычные, отработанные до автоматизма практические действия не приводят к привычному, успешному результату. Прагматисты поясняют действительное место мышления в жизни на примере действий человека с дверным замком. Чаще всего человек открывает и закрывает его, абсолютно не задумываясь (по этой же причине он не может вспомнить потом, запер ли он дверь). Он действует привычно-автоматически, «не включая» голову. (Именно такой образ действий нас сегодня призывают развивать прагматисты от педагогики, требуя делать упор на формирование «навыков» и «умений».)

Даже тогда, когда дверной замок вдруг не открывается, человек не начинает думать сразу. Он автоматически пускает в ход другие накопленные ранее привычки: давит на дверь, дергает ее, качает ключ в замке, приподнимает дверь, ухватившись за ручку и т. п. Действия эти выполняются настолько бездумно, что приноровившийся так открывать дверь человек даже не сможет на словах объяснить, что именно надо делать — например, давая другому советы по телефону. У него нет слов, потому что нет мыслей для описания производимых действий.

И лишь тогда, когда накопленные на протяжении всей жизни привычки не сработали, человек садится у запертой двери и начинает мыслить. Ч. С. Пирс называет «уверенностью» то состояние, в котором привычки приводят к успеху, и «исследованием» — то состояние, в котором они не срабатывают. Первое состояние комфортно, второе — крайне неприятно. Так что нормальный человек думать не любит. Он хочет как можно быстрее избавиться от этой необходимости (ведь она всегда возникает в неприятной жизненной обстановке). Счастье как раз и состоит в том, что все отработанные действия приводят к успеху, «дело спорится».

Согласно прагматизму, нормальное мышление нацелено на то и только на то, чтобы как можно быстрее избавиться от дискомфорта и неудач, выработав новые, успешные приемы действий. Как только в результате исследования будет найдена новая форма успешного действия, всякое дальнейшее мышление следует прекратить. Надо закреплять новую квазиинстинктивную привычку, которая будет использоваться без раздумий до следующей неудачи. Вся разница между человеком и животным состоит только в том, что у животного один врожденный набор инстинктов на всю жизнь, а человек может менять свой набор «умений» и «навыков» регулярно — достаточно начальству регулярно проводить его профессиональную переподготовку (возможно, ограничиваясь при этом даже молчаливым показом без словесных объяснений).

Ч. С. Пирс даже сформулировал на основе этих рассуждений свой «принцип Пирса»: полное понятие о вещи есть полное представление о практических последствиях, связанных с нею. Говоря проще, никакой вещи нет, если с ней никто ничего

не делает. Никакой «вещи самой по себе» нет — и, значит, нет никакого единственно истинного представления о ней. Вещь не есть нечто объективное — она есть совокупность навыков, с ней связанных (Ч. С. Пирс именовал их практическими последствиями, связанными с данной вещью). К примеру, для конюха лошадь есть совокупность привычек кормить, чистить, прогуливать, для жокея лошадь — это привычка скакать верхом, для торговца лошадьми — привычка продавать и т. п. Для нормального, т. е. практичного, приспособленного к жизни, человека пустым и беспредметным является отвлеченное теоретизирование, поиски ответа на вопрос, что такое «лошадь вообще», «лошадь сама по себе, независимо от человека» и пр. Теоретизирование на такие отвлеченные темы есть проявление болезни, которая делает человека нежизнеспособным, поскольку теоретизирование отвлекает человека от деятельности, обеспечивающей его выживание.

В XIX в., когда жил Ч. С. Пирс, работник еще не был всецело придатком машины. Он еще сам искал нужные навыки — в том числе при работе с машиной. Сегодня, когда техника стала сложнее и дороже, такой поиск работнику запрещен. Для этого устанавливается «защита от дурака», которая пресекает несанкционированные импровизации.

Современная философия «делового человека» — прагматизм и позитивизм — исключила, если употреблять кантовские понятия, не только метафизически-теологически-психологический разум, но и теоретизирующий естественнонаучный рассудок. Тем самым теория познания вернулась к Ф. Бэкону, который признавал представления о причине, следствии, порождении и т. п. остатками первобытного, антропоморфного мышления.

Именно от этих остатков и пытался очистить мышление позитивизм. Ему это удалось. Как отмечает П. Слотердайт, современные СМИ не знают слов «потому что», «следовательно» — они знают только союз «и». «Экономический кризис в Греции», и «выборы в США», и «Евровидение 2017», и «погода» — все это в новостной программе никак не связано между собой. А тот, кто пытается связать причинной связью отдельные данности опыта, сегодня объявляется отсталым сторонником антропоморфных теорий или «конспирологом», видящим за всем чей-то злой умысел, планы и козни.

Отказ от пустого теоретизирования — от всеобщего превращения в интернет-энциклопедистов, свободно и безнаказанно рассуждающих обо всем, «с улыбкой говорящих истину царям», — не означает, однако, требования довольствоваться собственным опытом и навыками, унаследованными с детства от родителей.

Личный опыт человека, который вырос около экрана в эпоху видеокультуры, отличается от личного опыта человека, который жил всего полвека назад. Когда этот последний говорил, что убежден в чем-то, потому что «своими глазами видел это», он на самом деле имел в виду свой ближайший жизненный мир, прокомментированный местными авторитетными людьми — родителями, учителями, старшими сверстниками.

Сегодня ребенок во двор играть почти не выходит, а педагогам велено не навязывать мировоззренческие ответы, а задавать ребенку вопросы тестов. (Авторитет, отвечающий на вопросы, — это теперь сам ребенок.) Уже в детстве он видит на экранах телевизора или компьютера больше «фактов», чем все великие путешественники Нового времени. Но те, кто поддерживает сегодня в человеке веру, что

он черпает из «картинок» свой собственный опыт и живет «своим умом», умалчивают о том, что на этих экранах показывают, во-первых, только предварительно отобранные сценаристами, режиссерами и операторами факты. Во-вторых, даже и эти факты зрителю не позволено «обобщать» и складывать самостоятельно в предметы. Роль кантовских априорных форм чувственности в СМИ и Интернете исполняют «агрегаторы», т. е. те зримые или незримые субъекты, которые готовят «обзор» важнейших событий. Чтобы прояснить их роль, следует напомнить мудрую притчу про трех футбольных арбитров. Первый из них сказал: «Я сужу то, что есть реально на поле». Второй сказал: «Я сужу только то, что вижу». Третий сказал: «Существует только то, что я называю». То есть нет в игре ничего, чего бы судья не назвал по имени, тем самым не признав существующим. Так же обстоит дело и с современными новостями: их «делают» те, кто выделяет их из потока фактов и называет важными.

Сегодня человек информационного общества мыслит о себе так. Он живет в условиях свободного общества. Поэтому ему предоставлена свобода выбирать. Есть примитивный, пронизанный грубой пропагандой мир телевидения и бульварной прессы — для тех, кто не может думать сам и нуждается в поводьях-ведущих. Телевидением довольствуются примитивные, немыслящие люди. Но, в отличие от этого немыслящего класса, есть другой класс — нет, не просветительская интеллигенция и ее последние наследники из классических университетов, а интернет-сообщество. Это люди, регулярно просматривающие интернет. Там на них обрушивается изобилие зрительных впечатлений, которые складываются в «предметы» — но уже не ведущими, которые громко и неоднократно называют все, разоблачая лгунов, а «агрегаторами», которые выделяют ленту важных новостей. Факт, названный важным, становится новостью, достойной опубликования. Чего нет на «Фейсбуке» или в иных местах Интернета, того не существует. Член медийного сообщества тоже получает право выкладывать в Сеть свои фото и видео, а также комментировать их и чужие задокументированные факты опыта в двух-трех предложениях. Но картину мира из всего этого складывает не он сам, а «агрегатор». Он же подсказывает нужные слова — не больше двух-трех десятков, как у «Элочки-людоедки» из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Главное для человека — «быть в тренде», своевременно произносить вместе с продвинутым «медийным классом» нужные слова, точно так же как и знать рейтинги всего, «топ-исполнителей», «топ-политиков» и т. п. Рэп тоже пишется только из тех слов, которые чаще всего используются в запросах в поисковиках Интернета.

Однако изобретение «палки» для селфи разрушает весь этот мир. Отныне «агрегатором» выступает не «агрегатор», а снимающий селфи. Он выделяет главное в мире, его центр, каковым выступает его «Я». Это «Я» — не просто одно из присутствующих «Я» на снимке. Это протест против внешних «агрегаторов», которые «делают новости», отбирая их. Это вынесенная вовне философия интроверта, о которой говорил Ф. Ницше в уже приведенной нами цитате.

Стремление польстить эгоизму потребителя заставило продавцов разработать для него средство самоувековечивания. Это не только селфи-камера. Это весь смартфон, весь компьютер с его программами и все социальные сети.

Вся мировая культура выступает у потребителя в умном гаджете как его собственность под заголовками типа «Мои любимые произведения», все общество —

под заголовком «Мои друзья», «Мои сообщества», «Мой живой журнал». Весь этот внутренний мир подростка-интроверта, который остается таким до старости и отделяет себя от внешнего мира наушниками, противится внешним «агрегаторам» из Интернета. Те убили автора средствами постмодернизма, чтобы стать микроавторами, блогерами и «агрегаторами» — властителями умов (важна не мировая культура, а то, что выберет из нее «агрегатор»). Но для молодого человека с селфи даже «агрегатор» — это диктатор. Он, агрегатор, чересчур теоретичен и оторван от жизни — от его, подростка, жизни. (Он точно таков, каким был для постмодерниста-агрегатора «классик».) Борцы с авторитетами рано или поздно перестают быть авторитетами сами. Но пока они сохраняют свой авторитет «агрегаторов», молодой человек уходит и прячется в свой «нормализованный аутизм» с помощью «палки» для селфи.

Литература

1. Перцев А. В. Молодой Ясперс: рождение экзистенциализма из пены психиатрии. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 340 с.
2. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1056 с.
3. Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок // Ильф И. А., Петров Е. П. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1961. Т. 2. С. 7–289.
4. Ницше Ф. Предварительные работы и дополнения к «Утренней заре» 1880–1881 // Ницше Ф. Утренняя заря. Переоценка всего ценного. Веселая наука. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 226–317.

Статья поступила в редакцию 8 декабря 2017 г.;
рекомендована в печать 8 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Перцев Александр Владимирович — д-р филос. наук, проф.; apertzev@mail.ru

Selfie as normalized autism

A. V. Pertsev

Ural Federal University,
Russian Federation, 620000, Ekaterinburg, pr. Lenina, 51-319

For citation: Pertsev A. V. Selfie as normalized autism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 2, pp. 201–217. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.206>

The article considers the “epistemology of everyday life”: since today the population objectifies the processes of its cognition and their results in social networks, the author applies the epistemological categories to the analysis of this material. The article is based on the materials of the report that was made at a conference organized by the University of Heidelberg and the Saint Petersburg State University on the topic: “The human existence between the illness and the health as a philosophical and a cultural problem”. Its participants were engaged in clarifying the philosophical foundations of psychology and psychiatry. The article considers the emergence of such methodological seminars’ tradition a hundred years ago at the University of Heidelberg when K. Jaspers and K. Wilmans discussed whether it is possible to use the concepts of “norm” and “deviation” to characterize the mental health of society. The author of the article proceeds from the fact that Anglo-Saxon empiricism based on video culture dominates

in the modern world after the Second World War. The theoretical thought is not welcome; any theory is dismissed as “a conspiracy theory”. This is the continuation of the epistemology of Bacon, who struggled with theories as of the «ghosts of the theater.» However, there are two opposing currents within the empiricism. The first one is the intention to impose on the population a video sequence and ways of ordering the perceptions of this sequence into the familiar subjects — with the elimination of everything subjective. The second current is an expression of objection and self-affirmation, which is expressed in portraying oneself as the center of the world (a picture of “selfie”).

Keywords: epistemology, everyday life, empiricism, philosophy of photography, consumer society, social networks, introvert, extrovert, selfie.

References

1. Pertsev A. V. *Molodoi Iaspers: rozhdenie ekzistentsializma iz peny psikiatrii* [Young Jaspers K.: the birth of existentialism from the foam of psychiatry]. St. Petersburg, Izd-vo RHGA, 2012. 340 p. (In Russian)
2. Jaspers K. *Obshchaia psikhopatologiya* [General Psychopathology]. Moscow, Praktika Publ., 1997. 1056 p. (In Russian)
3. Ilf I., Petrov E. Zolotoi telenok [The Golden calf]. Ilf I., Petrov E. *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 5 vols. Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., pp. 7–289. (In Russian)
4. Nietzsche F. *Predvaritel'nye raboty i dopolneniia k «Utrennei zare» 1880–1881* [Preliminary works and additions to the “Morning Dawn” 1880–1881]. Nietzsche F. *Utrenniaia zaria. Pereotsenka vsego tsennogo. Veselaia nauka* [The Dawn of Day. Revaluation of all values. The Gay Science]. Minsk, Kharvest Publ., Moscow, AST Publ., 2000, pp. 226–317. (In Russian)

Author's information:

Aleksandr V. Pertsev — Doctor of Philosophy, Professor; apertzev@mail.ru